
ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ В РОССИИ И БРАЗИЛИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

*Анжело Сегрилло - д.и.н., профессор
университета Сан-Паулу (Бразилия)*

Этот материал основан на книге «Россия и Бразилия в процессе трансформации: краткая история российских и бразильских политических партий в процессе демократизации», изданная на португальском языке в Бразилии¹. В этой работе я проанализировал развитие демократического процесса в обеих странах с точки зрения политических партий с 1985 года. Почему именно 1985 год? В этом году Горбачев стал генсеком КПСС и начал перестройку. А в Бразилии в 1985 году также пришел к власти первый гражданский президент после двадцатилетней военной диктатуры. С тех пор обе страны решают задачи демократизации.

Интересно отметить, что в 2000-х гг. эти две страны смотрели в противоположные стороны в поисках лучшей избирательной системы. Бразильцы, борясь с проблемами их пропорциональной системы, предлагают изменить ее на смешанную. А Россия долго имела смешанную систему, но недавно изменила ее на пропорциональную. Может быть, обе страны могут учиться на опыте друг друга?

В книге я проанализировал опыт обеих стран с точки зрения чисто политической демократии и с позиции неoinституционализма. Но (особенно относительно России) возник вопрос, заданный марксистами, о недостаточности понятия политической демократии без представлений об экономической и социальной демократии. Марксисты говорят, что без экономической демократии (справедливое распределение средств производства в руках *всего* населения), политическая демократия становится пустой вещью, так как богатые капиталисты имеют гораздо больше шансов влиять на ход событий. В конце я вернусь к этому вопросу и предложу синтез между позициями институционалистов, которые подчеркивают важность политической демократии, и марксистов, которые подчеркивают важность экономической демократии. Но до этого несколько слов об историческом фоне политической демократии в Бразилии и в России в сравнительном ключе.

Когда мы рассматриваем опыт Бразилии и России с точки зрения политической демократии, мы видим, что они имеют различную историю. Россия практически не имела опыта политической демократии до 1985 года, в то время как у Бразилии были демократические периоды в прошлом, но они были отмечены частыми авторитарными перерывами. Таким образом, проблема для России заключается в *отсутствии*

¹ Segrillo A. Russia e Brasil em Transformação: uma breve história dos partidos russos e brasileiros na democratização política. Rio de Janeiro: 7Letras, 2005.

опыта политической демократии, в то время как в Бразилии проблема – *пережимаемость* её демократического опыта.

В России царизм был самодержавным абсолютистским режимом до 1905 г. Между 1905 и 1917 годами Россия имела конституцию, парламент и легальные политические партии, но страдала еще под властью авторитарного, даже полицейского государства. Может быть, самым свободным периодом в истории России до 1985 г., с точки зрения политической демократии, являлся период между Февральской и Октябрьской революциями в 1917 году. Тогда все партии могли свободно действовать, не было цензуры, и правые и левые активисты могли выражать свои взгляды. После Октябрьской революции исчезла многопартийность, и Россия еще раз прошла через авторитарный политический режим.

В Бразилии политическая картина выглядела немного иначе. Она имела довольно продолжительную конституционную историю. В 1822 году Бразилия стала независимой от Португалии империей, которая существовала на основе конституции, парламента и двух основных политических партий: Либеральной и Консервативной. В 1889 году армия свергла императора и объявила Бразилию республикой. С 1889 по 1930 гг. эта «Первая Республика» действовала на основе региональных олигархических политических партий, доминировавших в политической жизни страны. Так называемая «Революция 1930 г.» привела к власти Жетулиу Варгаса, который доминировал в бразильской политике до 1945 года (и правил железной рукой в период 1937–1945 гг. во времена диктатуры фашистского типа «Нового Государства»). В 1945 году военные свергли Варгаса, и демократия была восстановлена. Эта «Вторая Республика» (1945–1964) была названа «популистской», так как при ней Жетулиу Варгас (1951–1954) и затем Жоао Гуларт (1961–1964) пришли к президентской власти демократическими методами и проводили популистскую политику. В Латинской Америке популизм («народничество») – это социологический термин, который описывает определенную политику, проводимую на начальном этапе индустриализации, когда рабочий класс не очень сознателен и формируется в значительной мере из крестьян. Эти неопытные массы легко манипулируемы популистскими политиками, которые, осуществляя некоторое улучшение положения рабочего класса, жестко контролируют и в режиме личной власти управляют ими. Когда «популист» Жоао Гуларт попытался провести земельную реформу, он был отстранен от власти военным переворотом в 1964 г.

Ранее военные свергали президентов, но не правили сами – они передавали президентскую власть другому гражданскому деятелю. Но в 1964 году военные решили править сами. Их авторитарная власть продолжалась вплоть до 1985 года.

Из этого краткого обзора можно выделить две отличительные особенности бразильской политической жизни. Одной из них является тот факт, что бразильская демократия время от времени прерывалась (в основном военными) переворотами.

Другая особенность состоит в том, что большие радикальные изменения не происходили в результате движения снизу. Они (например, провозглашение республики в 1889 г. и революция 1930 г., которая была двигателем процесса индустриализации в Бразилии) были «революциями сверху», в которых лидеры управляли и манипулировали импульсами снизу. В Бразилии не было реальной успешной революции или восстания снизу. Это значит, что «пуговина», связывающая с прошлым, не перерезана окончательно, и пережитки прошлого сохраняются.

Примером этого является переход от военной диктатуры к демократии в 1985 году. Это произошло путем переговоров между представителями старого военного режима и оппозицией, которые завершились всеобщей амнистией. С тех пор никто не может быть подвергнут уголовному преследованию за действия, которые были совершены в период военной диктатуры. Бывшие путчисты и оппозиция начали конкурировать демократическим путем в так называемой «Новой Республике» (с 1985 г. и по настоящее время).

Самые влиятельные партии в современной Бразилии:

PMDB: Partido do Movimento Democrático Brasileiro (Партия Бразильского демократического движения) – центристская, наследник оппозиционной партии MDB при военной диктатуре 1964–1985 г.

PT: Partido dos Trabalhadores (Партия трудящихся) – левая рабочая партия, с президентом Лула у власти с 2003 по 2010 г.

PSDB: Partido da Social Democracia Brasileira (Бразильская социал-демократическая партия) – социал-демократическая, у власти в 1990-е гг. с президентом Фернандо Кардозу.

PDT/PTB: Partido Democrático Trabalhista / Partido Trabalhista Brasileiro (Демократическая трабальистская партия / Бразильская трабальистская партия) – наследники популизма бывшего президента Жетулиу Варгаса, «бразильского Перона».

Democratas (PFL) («Демократы», до 2007 г. – Партия либерального фронта) – правые, наследники умеренного крыла военной диктатуры.

Наблюдая тенденции партийной жизни «Новой Республики», мы замечаем, что имел место непрерывный сдвиг влево с 1985 года. С самого начала PMDB, которая была наследником единственной оппозиционной партии в период военной диктатуры, была крупнейшей партией. Из-за того, что она была очень разнородной во времена военного правления и собрала всех политиков, которые были против диктатуры, – либералов, коммунистов, социалистов, – у нее центристская, прагматическая и неидеологизированная платформа. Поскольку партия очень велика, то каждый желающий править Бразилией нуждается в поддержке со стороны PMDB. Таким образом, непосредственно (как в 1980-е гг. с президентом Сарнеем) или косвенно (по-

средством участия в коалиционных правительствах, как в 1990-х и 2000-х гг.) PMDB остается партией власти до сих пор. В 1990-х гг. социал-демократическая PSDB пришла к власти во главе с президентом Фернанду Энрике Кардозу (1995 – 2003 годы), известным социологом. С 2003 по 2010 годы Партия трудящихся (РТ) находится у власти во главе с президентом Лулой, бывшим рабочим-металлургом и профсоюзным активистом.

Проблемы партийной жизни в Бразилии с точки зрения неонституционализма

Имеют место дискуссии, как в Бразилии, так и в России, о наиболее подходящей избирательной системе для страны. В специализированной литературе обсуждаются достоинства и недостатки пропорциональной, мажоритарной и смешанной избирательных систем в контексте так называемых «законов Дюверже»². Пропорциональная избирательная система, в которой каждая партия получает свои места в парламенте пропорционально проценту голосов, которые они получили на выборах, позволяет выразить много точек зрения и ведет к многопартийной системе (3, 4, 5 или более партий в парламенте). Одномандатная мажоритарная система, в которой избирается только одно место в каждом избирательном округе, создает стимулы для двухпартийной системы. Избиратели здесь имеют тенденцию голосовать «осторожно» – за сильных кандидатов, чтобы не тратить свои голоса на более слабых, которые не имеют шансов выиграть. Пропорциональная избирательная система более демократична, но с ней сложнее управлять страной, так как нескольким сильными партиям трудно сформировать стабильное большинство. Мажоритарная система с двумя партиями облегчит победителю формирование стабильного парламентского большинства, но не позволит представить достаточного разнообразия точек зрения в парламенте. Для исправления этих недостатков смешанная система предлагает избирать одну часть парламента по пропорциональной системе, а другую – по мажоритарной.

Бразилия выбрала пропорциональную избирательную систему. Бразильские аналитики отмечают, насколько трудно бразильскому президенту править с такой системой. Например, в двух случаях (2002 и 2006 гг.), когда Лула был избран президентом, также и Партия трудящихся (РТ) получила наибольшее количество голосов в нижней палате Конгресса. Но она получила только 17% и 15% голосов соответственно. РТ не может управлять страной с менее чем четвертью мест в Конгрессе, поэтому она нуждается в создании парламентской коалиции с другими партиями. Проблема состоит в сделках и торге при создании этих коалиций. Часто для того, чтобы получить голоса коалиции, политикам предлагают должности в министерствах, в государственных

² Дюверже М. Политические партии. М.: Академический Проект, 2000.

предприятиях и т. п. Иногда получается чистая коррупция при «торге» государственными должностями и государственными компаниями, как если бы они были частными товарами. В 2005 году вспыхнул крупный скандал, прозванный «Mensalão» («большая зарплата»). Это была схема регулярных выплат депутатам в целях получения их голосов. Еще одна проблема, обнаруживаемая в Бразилии, – сама президентская система. Некоторые авторы, как Хуан Линц³, отмечали, что президентская система не очень подходит для стран, которые только что вышли из авторитарных режимов. Эта жесткая система, с фиксированным сроком полномочий. Кроме импичмента, население не может избавиться от президента, как бы он ни был плох на протяжении следующих 4–6 лет. Это приводит к соблазнам переворота. При парламентарской системе, наоборот, если премьер-министр плохой, он может конституционно быть удален вотумом недоверия в парламенте. Скотт Мейнваринг заметил, что особо проблематичным является сочетание президентской формы правления и пропорционального представительства (ни одна развитая страна не имеет такую комбинацию): трудность для управления с помощью коалиционных правительств может привести президента к соблазну править единолично, обходя Конгресс⁴.

Бразильские эксперты считают, что мажоритарная система с одномандатными округами не позволяет представить различные мнения в парламенте и поэтому не является достаточно демократической. Они настоятельно призывают принять смешанную избирательную систему, которая имеет преимущества обеих, как, например, в Германии.

В России был осуществлен другой подход к данной проблеме. Страна начала свою постсоветскую демократию со смешанной избирательной системы, но решила перейти на чисто пропорциональную, начиная с выборов 2007 г. в Государственную Думу. Почему решили изменить избирательную систему? Критики говорят, что это был проект Владимира Путина с тем, чтобы контролировать количество партий, которые имеют доступ в парламент. Но если пропорциональное представительство ведет к увеличению числа партий в парламенте, то это не очень хорошо сочетается с проектом сокращения числа участников системы. Здесь возникает ряд вопросов. Во-первых, смешанная избирательная система в России в 1990-х годах имела какие-то странные черты, которые, видимо, заставили ее не следовать точно закону Дюверже. Например, тенденция пропорциональной части к увеличению числа партий должна была компенсироваться сокращением числа партий в одномандатных округах. Тем

³ Linz, Juan. The Perils of Presidentialism // Journal of Democracy, Washington: 1990, v. 1, No 1, pp. 51–69.

⁴ Mainwaring, Scott. Presidentialism, Multipartyism and Democracy: the difficult combination // Comparative Political Studies, London: 1993, v. 26, No 2, pp. 198–228.

не менее, этого не произошло, потому что в одномандатных округах могли избираться независимые, беспартийные кандидаты, тем самым увеличивая фрагментацию Думы. С другой стороны, если Путин хочет сократить и контролировать количество партий в Думе, то почему он выбрал пропорциональную избирательную систему? Ведь для этой цели он мог бы просто запретить независимых кандидатов в одномандатных округах, а также поднять электоральный барьер, то есть минимальный процент голосов, необходимый для прохождения партии в Думу. Здесь опыт Бразилии также может помочь понять ситуацию в России. При бразильской военной диктатуре была двухпартийная система («партия власти» и «оппозиция»). Когда военные увидели, что они теряют поддержку, и захотели положить конец военной диктатуре, они отказались от двухпартийной системы при демократических преобразованиях, поскольку они понимали, что объединенная в единый блок оппозиция будет внушительной силой. Они допустили несколько партий для того, чтобы разделить оппозицию. Аналогичным образом, Путин оказался не заинтересован в чисто двухпартийной системе. В этом случае возможная будущая победа оппозиционной партии, например, Коммунистической, могла отстранить партию Путина от власти. Лучше иметь несколько небольших партий в Думе, так что победа изолированной оппозиционной партии не приводит к сокрушительному поражению партии власти. Это было сделано очень тонким образом. Законы Дюверже действуют *ceteris paribus*, т. е. «при прочих равных условиях». Среди факторов, которые могут изменить тенденции законов Дюверже – электоральный барьер и величина избирательного округа⁵. Таким образом, Путин и его команда перешли на пропорциональное представительство во избежание двухпартийной системы, но повысили избирательный барьер с 5% до 7%, чтобы препятствовать чрезмерному увеличению числа партий в думе. В результате при личной популярности Путина появилась система с доминирующей партией и контролируемой и разделенной оппозицией.

Демократизация и институционализация российской и бразильской партийных систем в сравнительной перспективе

Когда мы сравниваем показатели институционализации и консолидации демократии и партийных систем в России и Бразилии, мы отмечаем, что бразильские показатели несколько выше, чем российские, но в обоих случаях данные показатели ниже, чем в развитых странах.

Мейнваринг пишет, что консолидированная партийная система отличается от неконсолидированной в четырех аспектах: 1) имеет стабильность в правилах игры и регулярность в условиях конкуренции; 2) партии имеют глубокие корни в обществе;

⁵ Taagepera R., Shugart M. Seats and Votes: the Effects and Determinants of Electoral Systems. New Haven: Yale University Press, 1989.

3) политические деятели признают легитимность политических партий; 4) партийные организации имеют собственную жизнь независимо от личности или капризности отдельных лидеров⁶. Мейнваринг использует количественные показатели для оценки каждого из этих четырех аспектов консолидации: 1) для оценки обеспечения стабильности и регулярности он использует расчеты непостоянства избирателей в нижней палате парламента (т.е. процент голосов избирателей, которые перемещаются из одной партии в другую на каждых выборах); 2) для понимания степени укоренения партий использует, в частности, исследования партийной идентификации избирателей и возраст партий; 3) при анализе с точки зрения легитимности партии используются, в частности, опросы общественного мнения таких организаций, как Евробарометр или Latinobarometro о степени доверия населения политическим партиям; 4) при оценке самостоятельной жизни партий он использует процентные расчеты смен партий политиками и качественную оценку партий, которые имеют персоналистские отношения с их лидерами (типа «каудильо» и т. п.).

Если мы рассмотрим эти индикаторы, то увидим, что бразильская партийная система более консолидирована, чем российская. Бразилия имеет более продолжительный опыт многопартийной политической демократии, чем Россия. Поэтому естественно, что в партийной системе Бразилии отражается опыт многопартийного прошлого. Степень стабильности и регулярности избирательной конкуренции и индекс электоральной волатильности (процент голосов избирателей, которые перемещаются из одной партии в другую на каждых выборах по сравнению с предыдущими) в Бразилии и в России можно рассмотреть на примере следующих таблиц:

Индекс электоральной волатильности в нижней палате парламента в России

1995–1993	1999–1995	2003–1999	2007–2003
49,5%	51,0%	61,5%	33,0%

Источник: Ричард Роуз и Уильям Мишлер. *Модель спроса и предложения институционализации партийной системы: российский случай* // <http://www.polit.ru/research/2009/02/23/institutionalization.html>

Индекс электоральной волатильности в нижней палате Конгресса в Бразилии

1986–1982	1990–1986	1994–1990	1998–1994	2002–1998	2006–2002
35,3%	35,4%	19,5%	14,5%	15,2%	10,2%

Источник: <http://works.bepress.com/cgi/viewcontent.cgi?article=1011&context=pauloperes>

⁶ Mainwaring, Scott. *Rethinking Party Systems in the Third Wave of Democratization: the Case of Brazil*. Stanford: Stanford University Press, 1999, pp. 26–39.

Что касается укоренения партий, то нет ни одной партии в России старше существующей партийной системы, а в Бразилии, по меньшей мере существуют три таких партии (PCB, PDT/PTB и PCB/PCdoB). О масштабах легитимности партий говорит и тот факт, что доверие к политическим партиям выразили 13% респондентов в Бразилии и около 7% в России⁷.

Кроме того, в плане укрепления политической демократии Бразилия имеет преимущество над Россией. Бразилия имеет в рейтинге «Фридом Хаус» статус «свободной страны», а Россия, которая в 1990-х по большей части классифицировалась как «частично свободная страна», в 2004 году благодаря усилиям авторитарной централизации Путина была переведена в категорию «несвободных стран»⁸. Кроме того, Бразилия прошла тест на «смену караула»: к власти пришла левоориентированная оппозиция, и демократия продолжала функционировать, как обычно. Это испытание России до сих пор не прошла.

Таким образом, мы видим, что показатели бразильской демократической институционализации и консолидации партийной системы несколько выше, чем в России, но все-таки ниже, чем в развитых странах, имеющих более продолжительный опыт демократии.

Экскурс вместо заключения

Здесь мы собираемся сделать небольшое отступление и попробовать решить другую задачу. До сих пор мы говорили исключительно о политической демократии. Однако есть марксистская критика этой концепции чистой политической демократии. Марксисты утверждают, что политическая демократия без экономической (и социальной) демократии – пустая вещь. Если средства производства распределяются неравномерно, богатые капиталисты будут иметь гораздо большее влияние на буржуазную демократию, чем обычные граждане. Либералы, с другой стороны, отвечают, что экономическая демократия является субъективным понятием и что политическая демократия является самым важным фактором, так как при политической демократии граждане могут выбрать любую систему, которую они хотят, будь то капиталистическую, социалистическую и т. д. В итоге мы остались в ситуации игры с нулевой суммой. Либералы подчеркивают политическую демократию, а марксисты настаивают на экономической демократии. Так как я думаю, что в обеих этих позициях есть своя доля правды, я задаюсь вопросом: есть ли возможность синтеза этих двух позиций?

⁷ Angell, Alan. Party Change in Chile in Comparative Perspective. Oxford: St. Antony's College, 2004 // <http://www.lac.ox.ac.uk/parties-IPS.pdf>

⁸ См. сайт www.freedomhouse.org.

Мы отметили, что неоинституционалисты измеряют степень политической демократии в разных странах показателями используемыми Freedom House. А если мы создадим показатель для оценки экономической демократии? Если бы мы смогли создать индикатор экономической демократии и объединить его с показателем политической демократии, тогда мы могли бы также составить среднее соотношение между ними. В результате мы получили бы тройной индекс, который мог бы измерять политическую демократию, экономическую демократию, а также комбинацию обеих. В отсутствие идеального показателя я буду использовать коэффициент Джини в качестве альтернативы показателю уровня экономической демократии. Коэффициент Джини измеряет неравенство в распределении доходов. Он изменяется от нуля (полное равенство, и все имеют одинаковый доход) до единицы (полное неравенство, один человек имеет весь доход, а другие не имеют ничего). На практике коэффициент Джини варьируется в диапазоне от примерно 0,2 в бывших социалистических странах и в скандинавских социал-демократических странах до более чем 0,6 в «чемпионах» неравенства, например, в Бразилии до недавнего времени.

Таким образом, на практике мы сможем построить тройной индекс. В первой части (политической демократии) мы будем использовать один из существующих индексов политической демократии (например, индекс Freedom House). Для второй части (экономической демократии) мы будем использовать коэффициент Джини для того, чтобы измерить степень равенства («справедливости») в распределении доходов, полученных от всех средств производства страны. Третья часть – среднее арифметическое между первыми двумя показателями, которая будет измерять достижения и неудачи в политической и экономической демократии страны одновременно.

Я считаю, что этот тройной индекс создает количественный синтез лучших аспектов марксистской и либеральной позиций и является более правильным способом измерения улучшения или ухудшения политической и экономической демократии в разных странах мира.